

Заключение

ШЕСТЬ ВЕКОВ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ БОСПОРСКОЙ АРИСТОКРАТИИ

Греческая колонизация района Боспора Киммерийского, как известно, отличалась рядом весьма существенных особенностей. Главная из них заключается в том, что на берегах пролива было основано несколько греческих колоний, пять из которых, несомненно, были структурированы как полисы (Пантикапей, Нимфей, Фанагория, Кепы, Синд или Синдская Гавань). Другие боспорские поселения, а их в письменной традиции упоминается около тридцати [Латышев, 1909, с. 61 сл.; Гайдукевич, 1949, с. 154 сл.; Gajdukevič, 1971, S. 32 ff., 170 ff.], скорее всего, входили в состав того или другого города-государства. В процессе колонизации, как известно, важную роль играла греческая аристократия, из среды которой чаще всего происходили *ойкисты* – руководители коллективов колонистов, направлявшихся в далёкие земли. Власть ойкиста на начальном этапе существования апойкии, как представляется, была весьма существенной. Вероятнее всего, эти люди и их потомки составляли элиту во всех новых полисах. Не трудно понять, что в силу относительной многочисленности греческих колоний Боспора в сравнении с другими центрами Северного Причерноморья (Ольвия, Херсонес Таврический) именно здесь стал формироваться сравнительно многочисленный слой греческой аристократии.

Археологические материалы заставляют считать, что изначально этот слой не отличался особым богатством в сравнении с рядовыми гражданами. Во всяком случае, в ранних некрополях боспорских апойкий очень трудно выделить погребения, которые с уверенностью можно было бы признать аристократическими. Вполне очевидно также, что колонисты не привезли с собой из метрополии какого-то вполне сложившегося типа элитного погребального сооружения. В этом отношении им, скорей всего, пришлось обратиться к заимствованиям из культуры местных народов региона.

Тем не менее, влияние аристократии на определение основных направлений развития боспорских колоний, как представляется, было весьма серьёзным. Нетрудно представить также, что с течением времени на Боспоре возникали враждебные аристократические группировки (как внутри крупных полисов, так и на межполисном уровне), но в критический момент истории, пришедшийся на начало V в. до н.э. в связи с усилением агрессивности скифского кочевого мира, они предпочли объединение ради спасения своего нового отечества. Таким объединением стал оборонительный союз боспорских полисов, во главе которого стал род Археанактидов.

Заключение

Только во время Археанактидов (480/79 – 438/37 гг. до н.э.) на Боспоре появляются погребальные памятники, которые резко выделяются среди других и которые в полной мере следует признать элитными, – это курганы с варварскими чертами в обряде и инвентаре. Наиболее многочисленная и показательная группа таких курганов сосредоточена в окрестностях Нимфея, в меньшем количестве они известны в некрополях почти всех боспорских апоекий: Пантикапей, Фанагория и Кепы [Виноградов, 2001а; 2005а, с. 245–258]. С известной долей преувеличения можно сказать, что боспорская аристократическая культура начинает формироваться под сильнейшим варварским влиянием.

Однако тип монументальной гробницы, ставший неотъемлемым символом элитной культуры Боспора, появился здесь не ранее прихода к власти Спартокидов. Можно сказать и более определённо – не ранее создания единого монархического Боспорского государства на рубеже V–IV вв. до н.э. Таким типом гробницы стал склеп с уступчатым перекрытием, аналогии которому известны во Фракии. Сознательный выбор такой гробницы, давший начало устойчивой традиции [Савостина, 2015, с. 286], скорей всего, определялся фракийским происхождением династии Спартокидов.

Монархическое Боспорское государство, включившее в свой состав не только ранее независимые греческие полисы, но и некоторые варварские племена Прикубанья, сложилось при Сатире I – Левконе I. Особое место в системе варварских владений боспорских династов, безусловно, принадлежало Синдике. Под сильным греческим влиянием синды создали своё государство или, по крайней мере, приблизились к его созданию. Погребения синдских царей (Семибратние курганы) при этом являются самыми яркими и показательными памятниками царского уровня во всём Северном Причерноморье второй половины V – начала IV вв. до н.э.

В IV в. до н.э. Боспор переживал безусловный экономический и культурный расцвет. Это явление, как представляется, определялось двумя факторами. Прежде всего, относительно мирной, стабильной обстановкой в Северном Причерноморье, которую могли обеспечить царские скифы, занявшие господствующее положение в системе межплеменных отношений в регионе и, несомненно, в системе связей с миром эллинов. Главным партнёром Великой Скифии в это время, как представляется, стало Боспорское царство. Есть все основания полагать, что ранним Спартокидам удалось наладить весьма тесные, союзнические отношения со скифами, что, несомненно, влияло на общую обстановку в Северном Причерноморье. Второй важный фактор, определивший своеобразие ситуации в регионе, заключался в масштабном развитии хлебного экспорта Спартокидов в Средиземноморье, в первую очередь, в Афины. Торговля хлебом, сосредоточенная в руках правителей Боспора, приносила огромные барыши, что, в свою очередь, придавало культуре боспорской элиты IV в. до н.э. особую роскошь и изящество.

Поблизости от столицы Боспорского государства, Пантикапея, сосредоточено большинство элитных погребений IV в. до н.э. В их составе представляется возможным выделить курганы, принадлежавшие правителям Боспора: в кургане у с. Баксы,

вероятно, был захоронен Сатир I, в Остром (некрополь Юз-Оба) – Левкон I, Царский курган, как представляется, принадлежал Перисаду I, а Золотой – трём его сыновьям, Сатиру II, Притану и Евмелу.

При ранних Спартокидах сложилась совершенно особая модель греко-варварских контактов. «Цари из этого рода сумели сбалансировать и до известной степени примирить интересы своих разноплеменных подданных в рамках созданного ими полиэтничного государства» [Андреев, 1996, с. 14]. Исключительное своеобразие боспорской культуры, в которой наиболее отчётливо проявились тенденции греко-варварского синтеза, Ю.В.Андреев объяснял тем, что здесь в сравнении с другими античными государствами Северного Причерноморья наиболее прочными оказались связи на элитарной ступени социальной иерархии. Только на Боспоре греко-варварский синтез вылился в более или менее устойчивые и жизнеспособные синкретические в своей основе формы государственного устройства, социальных отношений, религии и искусства, только Боспорское царство в какой-то степени приближалось к эллинистическим монархиям Востока [Андреев, 1996, с. 16].

Нетрудно предположить, что включение в состав Боспора варварских племён Прикубанья облегчало для племенной аристократии доступ в состав элиты государства, доминантой культурных приоритетов которой, безусловно, была греческая культура. Тем не менее, в IV в. до н.э. элементы местной погребальной традиции (захоронения коней, наличие оружия, предметы, оформленные в зверином стиле, и т.д.) представлены в некоторых погребальных комплексах. Реальным свидетельством союза, сложившегося в это время между Боспором и Скифией, являются скифские аристократические погребения в окрестностях Пантикапея (Куль-Оба, курган Патиниоти и курган Ашика).

Художественные пристрастия боспорской полиэтничной аристократии в это время проявлялись в стремлением обладать произведениями торевтики, выполненными самыми искусными греческими мастерами. Вообще золото становится важнейшим признаком принадлежности к элите государства. Его использование в погребальном обряде должно было подчёркивать связь представителей этой социальной страты с миром богов и героев. Есть все основания считать, что на Боспоре в IV в. до н.э. работала мастерская, в которой изготавливались дорогие произведения торевтики, в том числе и исполненных в скифском зверином стиле. В последней четверти этого столетия в Пантикапее, вероятно, трудились мастера, происходившие из Македонии [Roberts, 2009]. Уже с этого времени, как представляется, боспорская элита стала проявлять большой интерес к возвысившейся Македонии.

Важный рубеж в истории Боспорского царства приходится на конец IV – начало III вв. до н.э., что было связано с крушением Великой Скифии под ударами сарматов. Для понимания этого исторического момента принципиальное значение имеет курган, раскопанный на мысе Ак-Бурун в 1875 г. [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 74 сл.]. В нём проявилось смешение разнообразных культурных элементов, характерное для эпохи крупных этнических перемен в регионе. Скифские особенности в этом ком-

Заключение

плексе отсутствуют, но отчётливо выступают сарматские (савроматские) и в особенности меотские. Среди элементов, связывающих этот комплекс с античным миром, следует выделить золотые бляшки в форме звезды, копирующие, скорее всего, звезду, ставшую символом македонской династии Аргеадов.

Курган Ак-Бурун (1875 г.) позволяет считать, что погребённый в нём мужчина-воин исполнял также культовые обязанности. Знаменитый золотой шлем (рис. 49), золотой перстень с железной вставкой, обилие амулетов позволяют судить об этом достаточно определённо. Надо признать, что роль боспорской аристократии в религиозной жизни государства очень ярко проявляется во многих других курганах: Большая и Малая Близницы, Куль-Оба, Павловский курган, Анапский комплекс 1881 г., Мерджаны и др.

После гибели Великой Скифии в истории Боспорского царства, как и других греческих государств Северного Причерноморья, наступил серьёзный кризис, из которого они вышли к середине III в. до н.э. [Виноградов, 1999]. В культуре боспорской элиты этого времени происходят значительные перемены, и связаны они не только с исчезновением скифской «окраски» некоторых аристократических погребений. С III в. до н.э. на Боспоре появляется новый тип элитной гробницы – так называемые склепы «македонского» типа. Самые показательные из них были открыты на Васюринской горе и в Артоховском кургане. Для таких склепов характерно арочное перекрытие и в наиболее крупных из них – деление погребальной камеры на две части. Надо признать, что боспорские гробницы этого типа отличаются от классических македонских – здесь почти полностью отсутствует пышное оформление фасадов, нет каменных дверей и т.д., но культурный импульс, результатом которого стала эта инновация, безусловно, исходил из Македонии и, вероятно, Фракии.

Под влиянием «македонской» традиции, как представляется, происходят изменения в конструкции боспорских склепов с уступчатым перекрытием. Погребальная камера в них довольно часто делилась на две части, а фасад гробниц имел архитектурную отделку. Наиболее показательны в этом отношении Тарасовские курганы под Анапой.

Эти в высшей степени важные памятники, как и почти все склепы «македонского» типа, расположены на азиатской стороне Боспора. Более того, в этой части государства сконцентрированы другие элитные погребальные памятники III–II вв. до н.э., а также все без исключения курганы с варварскими чертами обряда (Зеленской, Васюринские, Мерджаны и др.). Приходится признать, что элитные погребальные памятники этого времени, сосредоточенные в окрестностях Пантикапея, выглядят заметно более скромными [Виноградов, 2015].

Азиатский Боспор на этом этапе, как представляется, стал наиболее развитой, процветающей частью государства. Основным вектор во взаимоотношениях с варварским миром региона, по всей видимости, вёл тогда в Прикубанье. Складывается впечатление, что элита азиатской части Боспора в это время определяла основные приоритеты в политике государства.

Очередной кризис в истории греческих государств Северного Причерноморья

связан с продвижением на запад приблизительно в середине II в. до н.э. новой волны кочевников – роксоланов, языгов, ургов [Виноградов, 2007в]. Резкое ухудшение военно-политической ситуации в регионе привело к тому, что боспорская элита была вынуждена искать опору в союзе с Крымской Скифией. Этот союз, однако, для Боспора не стал гарантом стабильности и безопасности. Усилившееся давление со стороны варварского окружения заставило часть правящей элиты государства обратиться к Митридату VI Евпатору, считая, что подчинение понтийскому царю станет спасительным для эллинства на Боспоре.

Такой поворот в политике, однако, устраивал не всех. «Скифская партия» на Боспоре попыталась противостоять этому, результатом чего стало восстание Савмака и убийство последнего Перисада. Разгром этого восстания Диофантом, а также победы понтийского полководца Неоптолема, вероятно, над войсками северо-кавказских племён (ахейцев, зигов и гениохов), имевших свои интересы в районе Керченского пролива, привели к тому, что Боспор надолго стал составной частью Понтийского царства. Памятником митридатovým победам на Боспоре, как представляется, стал грандиозный курган Кара-Оба.

Боспор стал важным центром опоры Митридата Евпатора в регионе Северного Причерноморья в той грандиозной борьбе, которую он начал с Римом. Наибольшую поддержку своей политике понтийский царь нашёл среди варварских народов, населявших Прикубанье, и той части боспорской элиты, которая поддерживала с ними дружеские связи. «Скифская партия», по всей видимости, всегда была оппозиционной по отношению к Митридату. Воспользовавшись поражениями понтийских войск, она делала попытки выступить против царя и выйти из-под его власти. Не удивительно в этом отношении, что погребальные комплексы, которые можно считать захоронениями воинов армии Митридата, находятся на азиатской стороне Боспора (Ахтанизовский клад, Старо-Титорровский курган).

Поражение Митридата в борьбе с Римом и его смерть в Пантикапее в 63 г. до н.э. обозначили новый рубеж в истории Боспора. Началась долгая борьба претендентов на престол: Асандр, Митридат Пергамский, Полемон. Нетрудно представить, в каком сложном противостоянии оказались группировки боспорской аристократии, вовлечённые в эту борьбу.

Бесценным памятником, материалы которого позволяют лучше осознать суть происходивших тогда процессов, является погребение, открытое на мысе Ак-Бурун в 1874 г. [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 42 сл.]. Оно представляет собой урновую кремацию, относящуюся ко второй половине I в. до н.э. Среди происходящих отсюда предметов имеются такие (рис. 104), которые связывают этот комплекс, с одной стороны, с миром прикубанских варваров (круглая фибула-брошь, крупные золотые бусы), а с другой – с культурой Крымской Скифии (золотой наконечник кинжала, украшенный каменными вставками). Наиболее любопытной находкой здесь, безусловно, является уникальная золотая фибула типа «Алезия». Она свидетельствует об активном присутствии Рима на Боспоре Киммерийском в это время.

ры Боспора во второй половине III – первой половине II вв. до н.э., но этот подъём был весьма относительным [Виноградов, 1999]. К тому же он был оборван новой волной сарматской миграции на запад, связанной с продвижениями роксоланов, языгов и ургов. В условиях резкой дестабилизации военно-политической ситуации в Северном Причерноморье правители Боспорского царства попытались найти опору в союзе с Крымской Скифией, но этот союз оказался малоэффективным. Тогда был выбран другой вариант, заключавшийся в подчинении Понтийскому царству, но он в конечном итоге означал включение боспорян в губительное противостояние с Римом.

Такой сложный путь прошла боспорская аристократия за 600 лет своей истории. Само её существование на рубеже между эллинским и варварским мирами определило своеобразие элитной культуры Боспора, в которой нашли удивительное смешение импульсы, исходившие из Эллады и из динамичного племенного мира Северного Причерноморья.

Ю.А. Виноградов.